

11. Makkormak Je. Kognitivnaja teorija metafory // Teorija metafory. M.: Progress, 1990. S. 358–386.
12. Mishlanova S.L. Metafora v medicinskom diskurse. Perm': Izd-vo Permskogo un-ta, 2002.
13. Muhtarullina A.R. Terminy-metafory v komp'juternom diskurse // Vestn. Bashkirsk. un-ta. 2012. № 3(1). С. 1628–1631.
14. Podkolzina T.A. Metafora i paradoks v anglijskoj terminologii: dis. ... kand. filol. nauk, 1994.
15. Raisova A.M. Jekstralingvisticheskaja obuslovennost' stanovlenija i razvitija nemeckoj jekologicheskoj terminologii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Omsk, 2012.
16. Samojlov K.I. Morskoj slovar'. M.–L., 1941.
17. Sinij jekran smerti [Jelektronnyj resurs]. URL: http://technical_translator_dictionary.academic.ru/226035/sinij_jekran_smerti (data obrashhenija: 12.06.2017).
18. Chernyshova L.A. Antropolingvisticheskie aspekty sovremennoj otraslevoj terminologii (na materiale terminologii zheleznodorozhnogo transporta): dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2011.
19. Chernyshova L.A. Terminy-metafory v sostave otraslevoj terminologii. // Vestn. MGOU. Ser.: Lingvistika. 2008. Vyp. 4. S. 49–56.
20. Chudinov A.P. Metaforicheskaja mozaika v sovremennoj politicheskoj kommunikacii: monogr. Ekaterinburg, 2003.

Metaphoric terms as part of environmental terminology

The article deals with various aspects of a metaphor. Great attention is paid to its cognitive nature. Based on the material of the Russian, English and German environmental terminology, the anthropocentric nature of metaphoric terms is under consideration; some general and specific features in the language world picture are described in the article.

Key words: *anthropocentrism, cognitive metaphor, metaphor, metaphoric terms, environmental terminology.*

(Статья поступила в редакцию 26.06.2017)

Я.А. ВОЛКОВА, Н.Н. ПАНЧЕНКО
(Волгоград)

ТРАНСФОРМАЦИИ КОННОТАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ НЕКОТОРЫХ СЛОВ: ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

На примере нескольких слов русского языка представлены результаты выявленных изменений их коннотативных значений, трансформация которых обусловлена динамикой и инверсией лингвокультурных и базовых общечеловеческих ценностей. Сравнительный анализ позволил выявить изменение их актуальной семантики и динамику коннотативного значения, обосновать необходимость лексикографического описания данных феноменов, а также сформулировать общие подходы к их возможной лексикографической презентации.

Ключевые слова: *коннотативное значение, ценности, номинация, трансформация.*

Введение. Не раз отмечалось, что на современном этапе в связи с социально-политическими процессами в обществе можно наблюдать изменения в отношении носителей русского языка к этнокультурным и социокультурным реалиям. В российском обществе также обнаруживается трансформация базовых общечеловеческих ценностей [2], к числу которых мы относим коммуникативные, отражающие особенности речевого поведения, характеризующие коммуникативные личности, и эмоциональные, связанные с отношением в социуме к определенным эмоциям.

Несмотря на существование достаточно большого количества словарей, в той или иной мере отражающих российские реалии начала XXI в., фиксирующих семантические изменения на уровне коннотаций у разных групп русской лексики, приходится констатировать, что лексикографического описания интересующего нас материала не проводилось. Данный факт позволяет предположить необходимость лексикографической фиксации коннотативных трансформаций множества общеупотребительных слов русского языка, объединение слов с изменившейся оценочной семантикой в лексические группы, характеризующие различные типы данных изменений. Авторы ориентируются на накопленный лексикографи-

ческий опыт и существующую в лексикографии методику, которая позволяет разделить «денотативные классы слов» на менее объемные лексические множества – «денотативно-идеографические группы слов» [1, с. 16].

Исследование коннотативных трансформаций в семантике представленных в данной статье слов опирается на анализ контекстов их употребления, отобранных преимущественно из «Национального корпуса русского языка», включающего газетный и устный подкорпусы. Проследить динамику коннотативных значений становится возможным благодаря хронологическому расположению контекстов употребления рассматриваемых слов в указанном ресурсе поиска русских текстов. На следующем этапе исследования в результате сравнения абсолютных частот (т.е. общего числа встречаемости слова в корпусе) с искомыми семантическими трансформациями выявляются тенденции коннотативных сдвигов. Помимо частотности употребления слова и хронологической последовательности коннотативных сдвигов в его значении, корпусный анализ позволяет выявить и контекстуальные факторы, влияющие на оценочную неоднозначность. Результаты контекстуального анализа дополняются данными опросов, нацеленных на установление современного наивного языкового представления о значении анализируемой единицы.

Далее представим наш вариант лексикографического описания единиц, демонстрирующих оценочные трансформации и репрезентирующих две группы лексики – номинации эмоций и номинации речевого поведения. При этом лексикографическая презентация предваряется описанием специфики данной трансформации, далее предлагается зафиксированный в широко известных и высокотиражных толковых словарях и энциклопедиях материал, который подвергся содержательной обработке и представлен в наиболее сжатом виде. В завершение раздела формулируются коннотативные значения, не зафиксированные словарями, но закрепившиеся в речи.

Номинации эмоций. Эмоции представляют собой не только биологическую потребность, но и величайшую общечеловеческую ценность. Однако многие номинации эмоций с течением времени изменили свой оценочный знак, что обусловлено как социальными, так и научными реалиями последних десятилетий. К настоящему моменту определен диапазон базовых терминов эмоций, которые первоначально

должны быть представлены в словаре – они соотносены с базовыми эмоциями, выделенными в психологии как фундаментальные (*радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, горе, стыд, интерес / волнение, вина, смущение*), а также ключевых эмоций, имеющих особую значимость для формирования русской эмоциональной картины мира. Это номинации производных / кластерных эмоций, таких как *ненависть, зависть, любовь, ревность, алчность, безысходность* и т.п. Корпус номинаций эмоций в настоящее время составляет около 100 единиц. Важным при отборе номинаций эмоций для включения в словарь является фактор их значимости для русского эмоционального сознания, что выявляется в процессе опроса информантов. Полезными представляются также данные лингвопсихологического словаря «Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка» [4], которые демонстрируют эмоциональные сферы и оценки, важные для русского менталитета.

Рассмотрим структуру словарной статьи на примере гнева, входящего в число универсальных человеческих эмоций и включенного в качестве базовой эмоциональной составляющей в структуру таких эмоциональных комплексов, как ненависть, зависть, ревность и др. Однако и его оценочный компонент подвергся существенной трансформации с течением времени. Итак, первый пункт словарной статьи предлагает общепринятое определение термина эмоции из русских толковых словарей, раскрывающее инвариантные признаки и ценность рассматриваемой эмоции в языковом сознании носителей русского языка, а также ряд иллюстративных примеров, демонстрирующих традиционное отношение к гневу в русской лингвокультуре, включая его оценку в православии. Первая часть статьи, таким образом, показывает, что в русской лингвокультуре гнев рассматривается, в первую очередь, как антиценность; открытое выражение гнева осуждается, равно как и агрессивное коммуникативное поведение.

ГНЕВ, –а, м

1. Чувство сильного негодования, возмущения; состояние раздражения, озлобления; чувство, представляющее опасность как для окружающих, так и для самого субъекта гнева.

• *С этим явлением ставили в связь развитие психических эпидемий, быстрое возникновение аффективных движений, паники, вспышек гнева, иногда доводящего до убийства* (В. Гиляровский. Психиатрия, 1935).

• *Гнев – маска сумасшествия, пляска бешов, добровольная одержимость, зверские отношения людей друг с другом, драка дикарей* (Арх. Рафаил (Карелин), 2009).

Вторая часть статьи направлена на демонстрацию трансформаций, произошедших с ценностью гнева в последние десятилетия, что подтверждается как результатами мировых социопсихологических исследований [5–7], так и данными психолингвистических опросов, проведенных рабочей группой. Так, опрос 100 респондентов (16–35 лет) выявил абсолютную положительную оценку действий человека, испытывающего так называемый праведный или благородный гнев.

2. Чувство сильного негодования, возмущения, доставляющее удовольствие субъекту гнева, характеризующееся свойством оправдывать жестокие и разрушительные действия; позитивная энергия, представляющая конструктивное начало.

• *Гнев – посланник самоуважения, самоутверждения. Это конструктивная сила, предназначенная для личных и глобальных перемен. Это чудесная, мощная энергия, и если ей позволяют спокойно протекать, она побуждает нас к действию* (Д. Эдвардз. Дорога к волшебству, 2001).

• *Москвичи начали звереть: получающих удовольствие от гнева становится все больше* (Ридус. 2015. 19 авг.).

• *Благородный гнев так же прекрасен, как открытая улыбка* (<http://znay-vse.livejournal.com/664026.html?thread=1897178>).

Таким образом, каждая словарная статья не только раскрывает значение термина эмоции и показывает традиционные ценностные установки социума в отношении этой эмоции, но и отражает трансформации, которые эти установки претерпели за последние десятилетия.

Номинации речевого поведения. Некоторые трансформации, наиболее заметные в постсоветской российской действительности, касаются представленных в лексике номинаций речевого поведения и субъектов коммуникации. Многие лексемы, номинирующие коммуникативные ценности, за последние десятилетия «обросли» дополнительными значениями или изменили оценочный компонент лексического значения. Такие понятия, как искренность, открытость, прямота, общительность, эмоциональность, сдержанность, немногословность, покорность, «уже далеко не абсо-

лютные ценности. Названные и многие другие понятия всегда являются оценочными, но содержат (по крайней мере, в русской культуре) принципиально амбивалентную оценку» [3, с. 259]. Помимо названных, к числу номинирующих речевое поведение и / или коммуникативную личность общеупотребительных слов, семантика которых претерпела значительные и коннотативные изменения, мы относим такие, как *откровенность, сплетни, шантаж, демагогия, правдолюб, шантажист, сплетник, скептик, демагог* и др. Картотека номинаций речевого поведения человека в настоящее время включает около 100 единиц.

Продемонстрируем сказанное на примере номинаций *демагогия* и *демагог*. Обращение к толковым словарям XX – начала XXI в. с последующим дефиниционным анализом позволяет смоделировать понятийное ядро лексического значения слова *демагогия*, включающее следующие инвариантные признаки: воздействие; преднамеренность; корыстные цели; массовый адресат; искажение истины; высокопарность речи. К понятийным характеристикам имени *демагог*, реконструируемым из соответствующих определений лексемы *демагогия*, относятся *человек; намеренно искажающий истину; в корыстных целях; с помощью воздействия на сознание массового адресата; используя красноречие, риторические приемы*.

Анализ поведения данных лексем в контексте позволяет сделать вывод, что образ номинируемого явления, отраженный в сознании носителей русского языка, претерпел определенные изменения, пока не зафиксированные в дефинициях словарных изданий. Различия в лексикографическом и индивидуально-личном толковании данных понятий подтверждаются также результатами опроса 150 информантов (20–45 лет): в индивидуальном сознании современных носителей русского языка демагог стереотипно воспринимается как болтун (*трепач, словоблуд, много говорит, льет воду*), зануда (*занудно рассуждает по любому вопросу, разводит тягомотину*), не придерживающийся темы разговора (*уводит в сторону, рассуждает неконкретно, говорит расплывчато, бессодержательно*).

Проект предлагаемой словарной статьи для данных лексем состоит из двух частей. В первую включено сконструированное нами в результате дефиниционного анализа инвариантное определение лексемы. Во второй формулируются новые значения, не зафиксированные в русской лексикографии ранее. Каж-

дая часть иллюстрируется примерами, в число которых включены также записи живой разговорной речи.

ДЕМАГОГИЯ, –и, ж

1. Сознательное воздействие на чувства малосознательной части масс с помощью обмана, извращения фактов, одностороннего истолкования чего-нибудь, высокопарных рассуждений для достижения корыстных целей.

Разводить / развести демагогию – излагать свои мысли, наблюдения и т.п. в качестве единственно правильных.

- *Единственный ораторский прием, усвоенный Трумэнном еще на заре политической карьеры, – это демагогия* (Г. Петров. Неуклюжие маневры Трумэна, 1950).

- *Советские же «условия» прекращения иностранного вмешательства – чистая демагогия, так как такого вмешательства нет* (А. Сахаров. Тревожное время, 1980).

2. Многословность, пустая болтовня, разглагольствование; отклонение от темы, увод разговора в сторону.

Разводить демагогию – вести долгие, беспредметные, не дающие результата разговоры.

- *Давай без демагогии / ненавижу словоблудие.*

- *Только без демагогии. Да или нет* (Угрошение огня, к/ф, 1972).

- *Ладно / говорите. Только ближе к делу. Без демагогии / я этого не люблю* (Мертвый сезон, к/ф, 1968).

- *Год спустя было решено немедленно депортировать любых иммигрантов, совершивших серьезные преступления, а не разводить демагогию про их «права человека»* (Комсомольская правда. 2011. 10 окт.).

ДЕМАГОГ, –а, м

1. Человек, намеренно искажающий истину и использующий лесть и красноречие для воздействия на массы в корыстных целях.

- *На этом пути создаются демагоги, способные овладеть большими массами, призывать их к действию и руководить ими* (П. Милюков. Воспоминания, 1940–1943).

- *В возбужденной толпе всегда восторжествует дерзкий демагог, льстящий ее настроениям, и будет посрамлен разумный, увещевающий голос* (О. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца, 1988).

2. Человек, который много и бессодержательно говорит, болтун.

- *Демагоги от демократии упивались хлесткими фразами. Топили в говорильне страну* (Труд-7. 2005. 27 окт.).

- *Тяжело с теми, кто говорить не умеет совсем. <...> Хуже всего демагог, который может говорить много и ни о чем* (Смена. 1998. 4 сент.).

Словарная статья, таким образом, демонстрирует актуализацию признаков, изменяющих сигнификативный компонент значения и влияющих на коннотативный потенциал приведенных слов.

Заключение. Применение корпусного подхода к исследованию коннотативных изменений некоторых общеупотребительных русских слов дает возможность зафиксировать на уровне нескольких синхронных срезов не отмеченные в дефинициях современных словарей коннотативные трансформации у нескольких групп лексики, которые наиболее ярко характеризуют изменения в ценностных установках языковой личности.

Группировка отмеченных слов по тематическому принципу позволяет определить разделы для дальнейшего лексикографического описания. Отметим, что две рассмотренные группы лексики не исчерпывают количество разделов, предполагаемых в словаре, а лишь иллюстрируют общие подходы к их лексикографическому описанию. Не исключено, в частности, включение в словарь разделов о номинациях лиц по роду занятий, месту жительства, социальной и национальной принадлежности (*чиновник, олигарх, домохозяйка, москвич, русский, украинец, американец* и т. п.).

Первые словарные статьи, представленные в данной работе, подтвердили подвижность коннотативного компонента значения, что представляется важным для правильного понимания современного эмоционально-оценочного компонента значения слова и его уместного употребления. С этим связана возможность активного использования такого словаря в профессиональной деятельности лингвистов-экспертов, переводчиков, специалистов по связям с общественностью, преподавателей русского языка как неродного.

Список литературы

1. Бабенко Л.Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. С. 16–22.
2. Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Изменение ценностных характеристик концепта «скромность» в русском языковом сознании // Ценностная картина мира: лингвокультурные аспекты: кол. моногр. Волгоград, 2016. С. 69–80.

3. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010.

4. Колбенева М., Александров Ю. Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка. Лингво-психологический словарь. М.: Языки славянских культур, 2010.

5. Hess U. Anger is a positive emotion // W.G. Parrott (Ed.) The Positive Side of Negative Emotions, Guilford Press, New York, London, 2014. P. 55–75.

6. Kassinove H., Tafrate R. Anger management: The complete treatment guidebook for practitioners, Impact Publishers, Atascadero, CA, 2002.

7. Lorenz K. On Aggression, Bantam Books, New York, 1967.

* * *

1. Babenko L.G. Konceptija, struktura i osnovnye leksikograficheskie parametry slovarja // Bol'shoj tolkovyj slovar' russkih sushhestvitel'nyh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy / pod red. prof. L.G. Babenko. M.: AST-PRESS KNIGA, 2005. S. 16–22.

2. Volkova Ja.A., Panchenko N.N. Izmenenie cenostnyh harakteristik koncepta «skromnost'» v russkom jazykovom soznanii // Cennostnaja kartina mira: lingvokul'turnye aspekty: kol.monogr. Volgograd, 2016. S. 69–80.

3. Dement'ev V.V. Teorija rechevyh zhanrov. M.: Znak, 2010.

4. Kolbeneva M., Aleksandrov Ju. Organy chuvstv, jemocii i prilagatel'nye russkogo jazyka. Lingvopsihologicheskij slovar'. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010.

Transformations of connotative meanings of some words: experience of lexicographic description

Based on the examples of some Russian words, the article deals with the research results regarding some changes in their connotative meanings; their transformation is caused by the dynamics and inversion of the linguocultural and basic human values. The comparative analysis revealed the change in their actual semantics and dynamics of the connotative meaning, justified the need for the lexicographical description of these phenomena, as well as allowed formulating common approaches to their possible lexicographic presentation.

Key words: *connotative meaning, values, nomination, transformation.*

(Статья поступила в редакцию 26.06.2017)

**МОХАММЕД АБД АЛИ ХУССЕЙН
АЛЬ КАЗЗАЗ
(Саратов)**

АРАБИЗМЫ В РУССКОЙ РЕЧИ (тематическая подгруппа «Ткани, материалы»)

Рассматривается одна из подгрупп тематической группы «Одежда и предметы домашнего обихода» лексики арабского происхождения, куда входят арабизмы со значением «ткани, материалы»: атлас, бязь, кармазин, кумач, мохер, муар, нубук, сатин. Лексикографический анализ позволил показать развитие семантики арабских заимствований в русском языке. На материале текстов «Национального корпуса русского языка» рассмотрены процессы функционирования арабизмов в русской речи.

Ключевые слова: *русский язык, иноязычная лексика, заимствования, арабизмы, лексико-тематическая группа, ткани, материалы.*

Изучение заимствованной лексики – одна из важнейших проблем современного языкознания. Данной проблеме посвящены труды таких исследователей, как В.А. Богородицкий, Я.К. Грот, И.И. Огиенко, В.В. Виноградов, Н.М. Шанский, Л.П. Крысин, Е.В. Маринова и др. Внимание исследователей обращено и к разноаспектному изучению лексики арабского происхождения. Проблемы межязыковых заимствований, этимологии, адаптации и функционирования арабизмов в русском языке исследуются Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной (1972), С.А. Аль Хазраджи (1977), Т.П. Гавриловой (1981), М.Х. Халлави (1986), И.У. Асфандияровым (1991), А.Х. Хусайном (2001), Л.К. Валиуллиной (2003, 2004), Рахмони Миджгои Равшандухт (2006), Л.А. Жилинской (2009), О.И. Александровой (2010), М.Г.Ч. Аль-Кадими (2010), А.А. Ивановой (2012, 2013), А.Н. Бахтияровой и Ф.Г. Фаткуллиной (2015), Е.И. Голишниковой (2016), М.Д.А. Аль Шаммари (2016), К.Х. Наджимом (2016). Отдельные арабизмы исследованы и автором статьи [1].

Важными для данного исследования представляются работы А.А. Ивановой [10; 11], посвященные изучению названий тканей, заимствованных русским языком из арабского, с точки зрения семантических изменений, произо-